

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

16.02.2015

№2 (47) Февраль 2015 года

МОЁ СЕРЕЖИНО

Бологово, оно же Серезино - большое старинное село на западе Валдайской гряды между Торопцем и Андреаполем. Бывший райцентр. Стоит между двух больших озер, Серезинского и Паршинского, а вокруг, в пятнадцати минутах езды на машине, озер еще десятка полтора. Кругом холмы, леса и болота. Говорят, единственное место в европейской России с настоящей тайгой.

Прикипели мы к нему с женой. У нас с Татьяной там старинный дом с настоящей русской печкой. Когда я впервые ехал в Серезино из Торопца, на дороге увидел странный знак - треугольник, а в нем вместо коровы нарисован медведь. Думал шутка. Но оказалось - нет. Один добрый человек собирает и вынаничивает медвежат-сирот. А они, привыкнув к людям, могут выходить на дорогу и попрошайничать.

Ко мне тогда не вышли... А вот жена в прошлом году чуть не сбила на дороге медведицу.

Была гроза и страшный ливень. Вдруг кто-то огромный взлохмаченный в черной шубе выскочил на дорогу и угрожающе поднял руки. Оказалось, не руки, а лапы. И стояла мохнатая мамаша так, пока ее три медвежонка не перешли дорогу и не скрылись в лесу.

И вообще, медвежьих кучи на огороде не редкость, особенно осенью, и у тех, кто, как мы, живет у леса, и особенно, живет не постоянно. К нам, например, мишка ходит лакомиться черноплодкой. Вообще, в лесу много зверей, птиц. Есть лисы, волки.

Зимой, гуляя по дальним деревням, иногда можно вдалеке на холме увидеть стаю волков. Кабанов столько, что подступы к Серезину основательно вспаханы, а если говорить о заброшенных деревнях, то там выворочено все, что может хоть как-то их заинтересовать. Егеря кабанов подкармливают, но стреляют мало. А вот рыбу из озер всю вытравили - браконьерят, особенно весной, и контроля никакого. Ловится, в основном, мелочь.

Леса сводят. Вырубка варварская, после нее пустоши со свалкой, по которым ни пройти, ни проехать. Всем заправляют какие-то деятели, а местным не достается ничего, кроме убитых дорог. Леспромхоз давно в селе ликвидировали, а ведь была в селе своя деревообработка. Теперь это все чужое. И лесников не видно. Едешь в Торопец порой сотни метров вдоль высоченных штабелей леса, и лесовозы, лесовозы... А за придорожной жидкой лесной полоской видны грубо "побритые", холмы с завалами из древесных отходов и поля, в большинстве тоже заброшенные.

Дороги грунтовые - смерть автомобилю, колесо в яме оставить ничего не стоит. До Торопца дорогу мостили булыжником еще при Сталине, так что теперь остались небольшие заплатки. А от Андреаполя асфальт довели только до Выползово, не дотянули километров двадцать.

Зато когда идешь пешком или едешь на велике очень красиво. Цветет здесь все необыкновенно. Когда печеночница - лес синий, когда люпины - синие поля, ветреница - все белое. Видел огромные поляны колокольчиков, смолки, горца, иван-да-марья. Плотность и количество цветов поражает, нигде не встречал столько. Пока здесь живет слишком мало и не слишком активных людей, чтобы загадить экологию. А как цветут озера, особенно неглубокие, такие как Устьянское! Абсолютно вся поверхность темного торфяного озера как звездное небо в белых и желтых цветах кувшинок! Грибы и ягоды тоже сумасшедшие! Рай!

А люди из Серезина уезжают. Работы нет. Ликвидировали не только леспромхоз, но маслозавод, дом быта, гостиницу, сельсовет, хотели даже школу закрыть, как неперспективную.

(продолжение на стр.2).

Зорин
Леонид Николаевич
архитектор, скульптор

(начало на стр.1).

До перестройки это было очень богатое село. На фантастическом разнотравье паслись стада скота, обрабатывались поля, по хозяйски следили за лесом и озерами. И всем хватало работы. Наступило время посредников-кровососов и стал невыгодным любой производительный труд. Обрабатывать поля или выращивать скот - не заработаешь ничего, а вот если скупать произведенное за гроши и потом перепродавать в тридорога, тогда ты в шоколаде.

Можно стало присваивать себе то, что принадлежало всем, поделившись с чиновниками. Или если ты при власти назначать себе зарплату и льготы в сотни раз больше, чем зарплата сельского врача или учителя. Очень тяжело оставаться нормальным человеком, когда жируют жулики. Но можно. Самое простое решение - уехать в город, где легче найти работу и как-то платят. Был такой показательный случай. Когда мы с друзьями монтировали в Серезинском храме росписи, взяли с собой из Москвы работника-таджика, который как-то подозрительно быстро из гастарбайтера стал россиянином. Ему так все понравилось в Серезино: и климат, и озера, и лес с ягодами и грибами, что он страстно захотел здесь остаться. Но узнав, какие тут зарплаты, моментально остыл...

Несмотря на расстояние, почти полтыщи километров что до Москвы, что до Питера, таких как мы с женой, летних жителей, становится все больше. Местные вымирают или уезжают в города и появляются здесь уже в статусе дачников. Появились и круглогодичные дачники - известные ученые-океанологи Лилия Колосовна с Сергеем Дмитричем, которые объехав весь мир и выйдя на пенсию, живут здесь постоянно и

в свою московскую квартиру почти не заглядывают.

Правда, есть местные крепкие, рукастые и непьющие мужики. Их немного, но именно благодаря им, в деревню еще можно проехать. Они и дорогу починят, и забор, и баню, и машину вытащат из болота, и живности, и детишек у них полный двор. Жаль, что их немного. На нашей улице это - Булкины. У них самих трое детей, а они еще пятерых из детдома взяли. Но молочком у них всегда можно разжиться и любой инструмент позаимствовать. Когда все семейство приходит в церковь на службу - зрелище.

Раньше была в селе каменная церковь, но ее еще до войны взорвали. Благодаря самоотверженным усилиям моей Татьяны удалось ее восстановить, точнее, построить новую. Помогали многие: и деревенские, и приезжие. Церковь Ильи Пророка - деревянная, главки крыты настоящим лемехом, колокола километров за пять слышно. Появился батюшка - отец Геннадий. В хоре местные учителя поют. Удивительно, но на службе стоят не одни старушки, много мужчин, молодежи. Кажется, даже пить в селе стали меньше. В праздники на службу теперь собираются не только свои, приходят и приезжают из окрестных деревень, из Андреаполя, даже из Великих Лук, за полторы сотни километров едут.

Недавно прошел слух: решили церковные власти строптивного отца Геннадия перевести во Ржев, чтобы не подрабатывал сторожем и не стоял на бирже труда, а получал бы приличную зарплату в городе, а Серезинскую церковь прикрепить а Андреапольскому приходу, то есть, практически закрыть. Удивительно, но почти все Серезино подписи под письмом в защиту храма и отца Геннадия поставило. Отстояли.

Я как-то раньше не задумывался, а ведь миссия сельского батюшки в нынешних условиях это - тяжкий крест. Доход с храма - мизерный, платежи за свет и не только - сумасшедшие, текущий ремонт тоже денег требует, зарплаты - практически нет, а еще ездить из Торопца за 70 километров по бездорожью минимум дважды в неделю - дело экстремальное, особенно зимой, когда дороги чистятся изредка, так, что даже вездеход не всегда проедет. А ведь батюшка ездит. И еще подрабатывает на стороне, чтобы как-то свести концы с концами.

Отец Геннадий стоял у истоков воссоздания храма и честно несет службу, поэтому и авторитет его в селе растет год от года, и приход увеличивается, и становится понятно, почему его не обрадовала перспектива уехать на сытую жизнь во Ржев. Окрестные деревни, что поменьше, вымирают совсем. Каждый год одна или две деревни приказывают долго жить. Например, Горбухино - официально самая высокая точка Валдайской гряды. Было-то там три жилых двора.

(продолжение на стр.3).

(начало на стр.1-2).

Пришли газовики тянуть трубу в Европу, дорогу убили, и жители переехали в Серезино. Дорогу через год восстановили. А Горбухина не стало. Газовики решили, что газ нам русским самим не нужен, да заодно и жилые деревни тоже, ведь от них одно беспокойство. А жители надеялись, что и у них газ будет.

От многих деревень теперь только одни названия и остались: этот холм был деревней Устьем, тот - Лебедевом или Лоховом...

Места эти всегда считались бедными. В начале века пытался поднимать этот край бывший царский военный министр Куропаткин. Школы, больницы строил, учил лес и рыбу разводить, хозяйство поднимал. Хоть и проиграл он как командующий японскую войну, не тронули его большевики, потому, что все местные встали на его защиту. Зато почти все, что он сделал теперь уничтожено.

Но отдых в Серезино фантастический. Едешь целый день, чертыхаешься: "чтобы я, да в эту глушь, да по таким дорогам...", а приехал, стопку принял, и через полчаса как-будто и не было целого дня езды!

Озера в окрестностях села чистейшие, ведь промышленности - никакой. В одних дно песчаное, в других торфяное, и размер озер разный: есть большие и глубокие, могущие поспорить с Селигером, как, например, Наговье, а есть поскромнее, как Немковское, окруженное болотами. Километрах в пятнадцати таинственное озеро Бросно, где будто бы живет и ворует коров чудище Бросси, аналог шотландской Несси.

Купание в озерах не сравнить ни с какими экзотическими южными местами, гораздо комфортнее, плывешь, как в театре: вокруг стоят лесные "декорации", а берег оторочен желтым или белым кружевом из кувшинок. Выходишь из воды, а совсем рядом ягоды: земляника, черника, малина, на ближайшем болоте - морошка.

И пишется здесь великолепно. Природа очень живописная: холмы, овражки, перелески, дремучие леса, светлые сосняки, болота, речушки и озера, - все в каком-то удивительном замесе - только выбирай! Хороши эти места для живописи в любое время года. Зимой снег по пояс, не то, что в городе, и чистый-чистый. Весной цветет земля. Летом вообще необыкновенное буйство красок, а осень по-настоящему золотая! Может быть это потому, что воздух чистый... Селигер отсюда не очень далеко, но он транспортно доступен, и потому сильно «засижен» туристами. Что-то в нем стало ненастоящее. А сюда надо пробираться по грунтовкам, для городской машины, может быть, смертельным. Поэтому здесь все подлинное: и дивная природа, и российский бардак, и, по сравнению с городом, настоящая нищета. Редкие туристы все-таки до этих мест добираются, обычно, летом стоят с палатками на озерах, хотя часто после беседы с ними узнаешь, что корни у них местные. Тянет на родину предков.

Мне в своей жизни удалось побывать во многих странах: я видел и тропики, и Заполярье, восток и запад. Есть страны богаче, есть беднее, но это всегда в чем-то... То же касается и природы. Нельзя однозначно сказать, что в тропиках лучше. Да, нет зимы, но ведь это - скучно. А что непривычная нам жара летом - это хорошо?

Мои корни - из Подмоскovie, а оно сейчас изменилось до неузнаваемости. Фактически уже нет дедовской деревни Левкиево, на ее месте дачный поселок. И приезжая в Серезино, я оказываюсь в природе детства...

Леонид Зорин,

Москва-Бологово.

Живописный цикл, посвященный селу Серезино, включающий более 50 этюдов и картин, был написан автором в 2004-2013 годах преимущественно с натуры во время регулярных выездов в Серезино.

**На снимках:
автопортрет
художника; Закат в
Серезино. Холст,
темпера, 2007;
Руслан и Витька.
Холст, темпера, 2009**

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

1994

01.01.

Когда человек перестаёт удивляться, он умирает. Я близок к этому.

19.02.

Память – это не только то, что прожил, но и то, что пережил.

03.03.

Странно прекрасная поэтическая строчка: «Навешать на уши лапши».

13.03.

Когда слишком часто и слишком долго глядишь вперёд, то слишком часто, падая, набиваешь на лбу шишки. Всего должно быть в меру, ибо только мера определяет сущность вещей.

19.04.

Наличие различных религиозных систем вполне объяснимо, если принять во внимание то, что это разные формы реакции на один и тот же предмет, а именно – на смерть. Их внутреннее содержание – дело развития культур.

20.04

Отношение: феномен ↔ ноумен (объект в субъективном восприятии и объект как то, что он представляет сам по себе – «вещь в себе»).

Существует ли чисто ноуменальный мир, мир вне субъективного, и, следовательно, искажающего суть вещей восприятия. Наверное, существует, если мы априори примем субъективность как чистую акциденцию человеческого «Я». Ведь любая вещь, любой объект выступает двояко: как «вещь-в-себе» (или «–для-себя») и как «вещь-вне-себя»; ясно, что второе не тождественно первому, так как зависит от особенностей (акциденций) не самой вещи, а особенностей воспринимающего её субъекта.

Но, с другой стороны, нет абсолютно изолированных друг от друга в пространстве и времени вещей: на любой объект действует достаточное количество сил, составляющих сложный kaleidoscope взаимовлияний таким образом, что и сама вещь представляет из себя не то, чем она должна бы была быть по своей сути, или «сама-для-себя». Полностью абстрагироваться от воспринимаемой вещи – значит полностью аннигилировать и субъект и объект, что абсурдно и, видимо, невозможно (Ничто не может воспринимать Ничто): по крайней мере, чтобы воспринимать, хотя бы одно – либо субъект, либо объект – должно быть в наличии. Конечно же здесь не следует говорить о субъективности в привычном человеку, обыденном смысле. Субъективность следует понимать как свойство любого объекта, любой сущности иметь акциденции, отличные от других объектов или сущностей.

Исходя из этого, говорить о ноуменальном, лишённом всяких посторонних влияний мире можно только условно, гипотетически, упражняясь разве что в остроумии и красноречии. То есть каждая вещь помимо собственных акциденций обладает целым набором «отражённых» акциденций других вещей, собственно говоря, – рефлексов, что переводит её из ноуменального мира в феноменальный. Просто не следует приписывать возможность восприятия только одному человеку. Это, может быть, свойство всех – открытых или ещё не открытых – полей. А не только свойство человеческого мозга, или психики. Ведь и в биологии, и в ядерной физике часто сумма объектов не совсем арифметическая, количественная, а скорее – качественная, результат не столько механического соединения, сколько, скорее, «физиологического» взаимовлияния. Здесь огромная тайна, которая не скоро будет разгадана, если вообще будет разгадана.

***

Абсолютно изолированные вещи – из области абстракций. Они имеют место быть только в сфере интеллекта, в практической же жизни – как практические маркеры – они мне представляются более опасными, нежели полезными.

(продолжение на стр. 5).

22.06.

В. Соловьёв в «Оправдании добра» несомненно прав, утверждая, что стыдливость – одна из отличительных черт *gomasapiens*. Но ведь она не абсолютный детерминант. Ведь даже разные народы, а тем более в различные эпохи, обладая стыдливостью, точкой приложения её имели совершенно разные сферы, порою нами – современными людьми – почти неопределимые. Так происходит, вероятно, и в животном мире, мире вне человека, там, быть может, также есть состояние стыдливости (ведь писал тот же В. Соловьёв об объективности красоты), но область, где она действует, нам пока ещё не открыта. Поэтому категоричность Соловьёва, как мне кажется, преждевременна. Ведь мы в сущности так мало ещё знаем о живой природе, а всё, что знаем – так ещё поверхностно.

***

Закончил универ. Диплом защитил отлично. Предложили аспирантуру, заочную или очную. Наверное, поступлю глупо, если откажусь, хотя заочным обучением сыт по горло.

Ещё, кажется, влюбился; вдруг, ответно, и, вообще-то, как-то странно. Наверное, женюсь. Вот счастье-то идиоту. Боюсь только, что не пройдёт это чувство одиночества. И откуда оно? С детства? А там откуда? Все родственники – люди как люди, у одного меня – сдвиг по фазе.

14.09.

«Витийство лишнее природе злейший враг...» (А.П. Сумароков).

Задача не в том, чтобы правильно ответить; задача в том, чтобы попытаться это сделать. Надо научиться выдвигать гипотезы, строить догадки, заниматься эвристикой и создавать теории, только не на основе «прозрений» и «мистических откровений» – чего сейчас с избытком, – а на основе как можно более достоверных фактов (или предположений могущих быть таковыми). Как я сожалею сейчас о том, что на филфаке не давали, и не дают, солидной естественнонаучной подготовки.

1995

14.02.

Торжокское литобъединение «Тверца» – смесь трогательности с заваркой чая, иногда крепкой. Вообще-то, – вода. Существование по принципу «кабы выжить, а остальное – пыль». Беседы – общие – часто сродни базарным: кто чего купил, кто что продал, кто где покушал, кто остался голоден, а – пуще всего – кто и как – косо или прямо – на кого смотрит. И амбиции, амбиции, амбиции. Это захватило даже мужское население «Тверцы», что не есть хорошо, но, скорее, – печально. Единственный, но всё перевешивающий «+», – ещё пишут, и неплохо, ещё выступают. Но это вполне возможно делать и в индивидуальном порядке, выражаясь сухим канцеляритом. Зачем же тогда «объ-еди-нять-ся». Мне пятна на чужом белье неинтересны. А, может быть, тоже – от одиночества?

22.02.

«Зарница». Весело и хорошо. После – плохо. Выпил перед праздником 23 Февраля – попал в вытрезвитель. Обошлись – на удивление! — учтиво, хотя я глупо пытался доказать – и напрасно, – что (кроме того, что выпил) я ничего худого никому не сделал: ни ограбил, ни убил, ни нахамил никому; ну, шатаясь, дошёл до дома, но дошёл, ну, поскользнулся (лёд же никто не посыпает) и упал, но ведь встал же. Зачем же брать у самых дверей.

Правда, камера, ничего, – уютная, довольно-таки свежая: бельё чистое, едва не глаженное, решётки недавно выкрашены. «Совслужащие» тоже пьяны (это жена рассказала, когда вечером, часа через 3 – 4 меня отпустили).

Всё это достаточно смешно и обыденно-банально, если бы не было так больно и обидно за меня жене.

Мы возобновляем публикацию дневников нашего земляка Юрия Смирнова. Начало вы сможете прочесть на сайте библиотеки в номерах: №13(21) за 2012г., N1(22) - N11 (32) за 2013 г. Изменилась и заставка. Теперь мы используем фото озера Бросно, сделанное андреапольцем Михаилом Кройтором.

• За окном - зима

**Игорь Столяров,
Нелидово**

Дрожат в искристой паутине
дома.
На странной уличной картине -
зима.
Почти без снега? - ну и что же -
придет
И негой под ноги проходим
падет.
А город все разметил мелом
и стих.
Зима зачеркивает белым
мой стих.
Ей невтерпеж белить и править
самой,
А я пишу тебя поздравить -
С Зимой!

**Наталья Иванова,
Пено**

Встану чуть свет – за окном туман,
Аж за порог не хочется!
То не туман, а в снегу дома–
Пишет картину с утра зима
«Белое одиночество».

Пляшет пурга на её холсте,
Ветер гудит простуженно,
Нет ни души. Ворожит метель,
Хочет калитку сорвать с петель
Под настроенье выюжное.

Вроде бы нет для хандры причин,
Только позёмка белая,
Волком хоть вой, хоть совой кричи,
Даже графолог не отличит,
Подпись мою подделала.

**Юрий Смирнов,
Андреаполь – Торжок**

ЗИМА. ФЕВРАЛЬ. ВЕСЁЛЫЙ РАЗГОВОР.
А зима говорит мне: «Прощай!
Принимала тебя столько зим.
Заиграл, засвистал, завещал
Свои басни и россказни!»

«Улыбнёмся друг другу вослед –
Между нами, зима, снегири.
Обещай мне, что дашь мне билет
В тот буфет, где не любят имбирь.

Где вода есть вода, водка – водкою,
Где живые ещё голоса,
Где смакуют не стол, а селёдку,
Рубят впрямь, а не вкривь – за глаза».

А зима мягче всё: «До свидания!»
Я киваю. Я слов не найду...
Разрастается в ожидании
Полынья на февральском пруду...

**Пётр Бобунов,
Нелидово**

Чай мороженой калиной
заварю себе опять,
Раскатал по вам губину,
так назад не закатать!
А зачем мне это надо,
чтоб вот так вот занемог,
И сердечки красных ягод
опускаю в кипяток,
рассудив, что витамины
восстановят мой баланс.
Нет! Растёт! Растёт губина!!!
Всё по вам, за вас, про вас!!!
Отрастёт до неприличья,
и на что такой сгожусь?
Но желанным и привычным
стал вдруг горько-сладкий вкус...

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

Снег барабанисто шуршал
по голым яблоневым веткам –
то время сыпалось сквозь неба
молочно-облачный дуршлаг.
И ветер жалобно роптал,
запутавшись в дымах тягучих.
Сквозь старый сад вела скрипуче
полуоплывшая тропа.
Едва касаясь, невесом,
я плыл вдоль венчиков полынных,
а снег густел, густел и хлынул,
стирая явь, как старый сон.
Слепой бестенный белый свет
раскинул сеть, как сад коренья.
И все:
тропа и я,
и время
шуршало
в будущей
листве.

• Новые стихи

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

НА РОЖДЕСТВО У БАБУШКИ

Напиток из цикория,
Лежанка вдоль плиты
И страшные истории
Под кровом темноты.

И теми небылицами
Встревожена всерьёз,
В бабулиной светлице я
Не сдерживаю грёз.

Старинные предания
О призраках в пути
Сквозь вёрсты мироздания
Вплывают во плоти.

С попутчиком беседую,
Который мёртв три дня.
Не оставляет следа он
И тает у огня.

Гаданья, в жуткой полночи
Крадусь к кресту дорог,
Нельзя просить о помощи
Уснувший хуторок.

Ах, Рождество у бабушки,
Изобка в два окна!...
Цикорий под оладушки
Давно я пью одна.

Но в святки всё не спится мне,
Сошёлся свет на клин,
Ведь внуки за границею
Встречают «холоуин».*

**«холоуин» – искаженное «Хэллоуин»
(Halloween) — праздник в Европе,
напоминающий наши святочные игры. В
этом странном празднике переплелись
кельтская традиция чествования злых духов
и христианская — поклонения всем святым.*

* * *

Под глухим белёсым небом
вдоль дорог – щиты рекламы.
Вдаль – поля под серым снегом.
На рекламе – супердамы.
Лоск их приторно-обманчив.
Из тоски дорога свита,
где сарайчик-ресторанчик
с вывескою «Дольче вита».*

Погоняй живей, извозчик.
Мчи свой старенький «Икарус»
прочь, туда, где песни звонче,
натуральнее гитары.
Распахнёт за поворотом
небо голубое око.

И отыщутся ворота
в город на холме высоком.

В нём бывала я когда-то.
Там, где облако, как парус,
снег, как сахарная вата.
Помнишь путь туда, «Икарус»?

Там рассвет умели слушать,
Там взлетать учились души.

** "Дольче вита" – в переводе с латинского
– «сладкая жизнь».*

* * *

Бельё с мороза пахнет свежим ветром,
Смакую запах, застелив кровать.
Не надо покорять мне километры,
Как в странствие, я отправляюсь спать.
Умчит тем ветром в край, который помню,
В мои семнадцать, в старый барский сад,
В дом деревенский, в простоватость комнат...
Там ты. Но смотришь так... Ты мне не рад?

* * *

Изменой – сирень, хризантема – печалью,
А роза – любовью... Так пахнут цветы.
Сегодня под запах полынно-миндальный
Вдруг вспомнила, как приносил мне их ты.

На чай тебя жду, разминаю орехи,
А руки с чего-то как лёд холодны.
Не близкой дорогой в наш город ты ехал:
От нынешних стуж – до ушедшей весны.

Согреемся чаем, бывшее нахлынет.
Ты скажешь: «Вернуть бы. Ах, если бы смог!
Где мальчик в «болонье», где девочка в «мини»?
Ну что ж так горчит мой миндальный пирог.

* * *

Мне тело выдано, как платье:
На время, погулять по жизни.
Теперь, к концу, его растратив,
Я вовсе не готова к тризне.

Ну нет бы, сбросив ветхий ситец,
Вдруг бабочкой вспорхнуть под своды.
Забыв события и лица,
Спешить в объятия свободы.

Печаль в своём читаю взгляде:
Морщинок жаль – следов улыбки,
И губ в недорогой помаде,
И рук, когда-то в ласке гибких.

Пусть в обыденности, всеу,
Но всё же лучше в старом платье.
И мечется душа, тоскует...
Так холодны небес объятия!..

• На конкурс: «Это было со мной в Андреаполе»

Я ЗДЕСЬ ЖИЛА КОГДА-ТО

Андреаполь. Если вы подумали, что это в Италии, глубоко ошиблись. Ныне Тверская, а в прошлом Калининская область, именно здесь и находится посёлок с таким красивым названием.

С этим посёлком связана жизнь лётчиков, технического персонала и ещё многих, многих людей, которые служили, работали на известном в советское время Андреапольском аэродроме. И здесь расположился военный городок для всех, чья жизнь и работа были связаны с аэродромом.

Сейчас я уже, увы, пенсионерка. Мне, дочери советского офицера, с родителями довелось сменить не один военный городок. Но именно Андреаполь вспоминаю с особенной теплотой, любовью.

В середине пятидесятых годов прошлого века в Андреаполь переводили целый полк. Городка тогда ещё не было, а было всего два дома. Вот в этих двух домах и разместились семьи военнослужащих. Места хватило всем, правда, в двух смежных комнатах размещались две семьи. Сейчас это трудно представить, но было именно так.

Быстро стали строить, расселять людей. Трёхэтажки, как крепостная стена, встали по периметру городка. А вот внутренняя территория продуманно обустроена. Здесь были детские площадки, спортивные площадки, много цветов, теннисный корт, который зимой заливали, и получался замечательный каток. На катке всегда освещение, играла музыка. Вечером выходили взрослые, дети. Было очень оживлённо. Конечно же, Дом офицеров, к каждому празднику готовили концерт художественной самодеятельности, участвовали и взрослые и дети. Мой папа, Копырюлин Михаил Павлович, был классный аккордеонист, и ни один концерт не проходил без его участия. Всё это объединяло людей, создавало атмосферу общих интересов не только на службе, но и в быту.

Атмосфера военных городков действительно особенная. Лётчики с красивой выправкой не только внешне привлекали внимание, это были очень мужественные люди, способные принимать ответственные решения, это были высокообразованные офицеры. Ведь небо ошибок не прощает. Профессия лётчика требует отличного здоровья, и как это ни высокопарно звучит, но настоящих человеческих качеств, мужества, преданности, высокой нравственности.

Летом в городке было очень много цветов. Георгины особенно запомнились почему-то.

Но машина была одна на весь городок и собака одна, охотничья, имела владельца, но выгуливалась постоянно на улице. Запомнились распахнутые двери подъездов домов, ключики от квартир, которые клали под коврик у двери, незатейливые интерьеры квартир и люди, которые запросто общались, ходили друг к другу в гости.

Папы несли суровую службу, а дети жили тоже дружно. В школу ходили в посёлок, недалеко, и возвращались дружной ватагой. Уроки, после них гуляли мы тоже все вместе. Кто сейчас вспомнит наши коллективные игры: казаки-разбойники, лапта, испорченный телефон, игры с мячами и многое другое летом, а зимой – лыжи, коньки и просто с горки «кучей мала».

В городке была музыкальная школа для детей, и для желающих поступить проводился конкурс.

За чертой городка, совсем рядом, на возвышении братское кладбище, где похоронены герои Великой Отечественной войны. Каждый год 9 мая дети и взрослые собирались на этом месте, чтобы почтить память павших в боях за Родину солдат и офицеров. Память об этой войне свята, тем более, что тогда было не мало нас, детей, чьи отцы воевали на той войне. Мы много читали, смотрели фильмы и очень трепетно относились к памяти о войне, знали героев войны, в школе был музей героев Великой Отечественной.

Чтобы оживить своё повествование, хочется назвать фамилии тех, кого помню. Из папиных сослуживцев помню Николайчука Арнольда Петровича, его уже нет с нами; Мазина Алексея Павловича, живёт в Вязме, общаемся изредка, приезжает в Смоленск; Горобец, помню имя только – Леонид.

Из одноклассников той поры помню Веру Шадзевскую, Олега Кабанькова, Сашу Ямпольского, у Саши отец был врач воинской медсанчасти, пожалуй, и всё.

Странная ситуация, чем дальше отодвигаются события, значимые в твоей жизни, тем ярче воспоминания. И как же мне повезло, что моё детство, а потом и юность были связаны с жизнью в военных городках. По настоящему понять это может только тот, кто тоже прошёл этот путь, вот для них и мои ностальгические воспоминания.

Светлана Шубина (Копырюлина),
Смоленск.

На снимке: Дом офицеров (фото прежних лет).

• Мысли по поводу

ЯЗЫК – ОРУЖИЕ ОСТРОЕ

Целью нашей поездки во Ржев было участие в семинаре «Язык как способ воздействия на сознание личности», организованный миссионерским отделом и отделом религиозного образования и катехизации Ржевской епархии.

Центральным событием семинара стала лекция с одноименным названием. Её провела Емельянова Любовь Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного социального университета города Москвы. Лекция прошла не в строгом академическом стиле, а в форме беседы-обсуждения. Нам задавали неожиданные встречные вопросы по ходу лекции, живо интересовались нашим мнением по отдельным, только что высказанным, положениям.

Что же я уяснил, почерпнул? Самое главное – я остро ощутил, что нынешняя борьба за чистоту русского языка своевременна и крайне необходима. Русский язык – это наше оружие, очень острое, проникающее сквозь любые преграды. Но на нём подчас говорят и недруги нашей страны, нашего народа. Они используют особенности языковой практики в своих корыстно-подрывных целях. И применяют при этом последние достижения науки о человеке, включая нейро-лингвистическое программирование, гипноз и методы воздействия как на сознание масс людей, так и на отдельного человека.

Цель столь изощрённых приёмов подачи информации – создание определённого настроения, нужного закулисным кукловодам. Яркий пример создания такого «нужного» настроения – это события на Украине, а до этого был букет «цветных» революций, прокатившихся по многим странам мира. Что касается Украины – это для нас ныне непреходящая боль. Кажется, что в один миг народ этой страны стал воспринимать Россию, как врага. И как подчас трудно разговаривать с родными и знакомыми, живущими там. Они совершенно не понимают и, словно, не слышат нас. Мы же небезосновательно считаем, что они буквально зомбированы. Именно так и происходит при умелом воздействии информации на сознание народа.

Приведу несколько моментов из лекции Любови Юрьевны, что особо запомнились. Сейчас в нашем языке в великом множестве появились слова-амёбы, создающие липкую сеть. К примеру: «эмбарго», вместо привычного «блокада»; «электорат», вместо «мои избиратели» - чувствуете разницу? «Однополярный мир» - вообще абсурд с лингвистической и иных точек зрения. И так далее и тому подобное, имя им – легион. Какова же цель этой липкой сети из слов-уродов? Цель проста и зла – испоганить русский язык, затупить наше острое оружие. Народ устал от реформ, и вот найден выход, вместо ненавистных «реформа», «реформирование» найдено лукавое словечко «оптимизация». Совсем другое дело! И даже настроение улучшается.

Особо лектор остановилась на рекламе, что ежедневно сваливается на наши бедные головы. И каких только приёмов не используют рекламщики, чтобы мы непременно купили их товар! Мне запал термин «геймификация», это когда используют игровые элементы в неигровых ситуациях. Помните: «соберите 20 этикеток того-то и вышлите нам, и вы станете участником розыгрыша...» и далее следует заманчивое предложение. Кто в жизни видел этих счастливиц? Лично я – ни одного! А ведь покупаемся и отчего-то располагаемся к товарам с такой весёлой рекламой.

«Как бороться с рекламным наваждением?» – такой вопрос был задан из зала. Ответ был неожиданен: «Да хотя бы рефлексировать, не сидеть без мысли и чувства, спорить, подвергать сомнению». Далее она пояснила, что ныне рекламные тексты и видеоряды подаются очень быстро, и люди не успевают даже среагировать эмоционально, допустим, сказать: «Какая ерунда!» Нет, мы молча, без ответной реакции глотаем приманку, и информация уходит в подсознание. Придёт время и, совершенно неожиданно для себя, мы вдруг купим вещь, расхваленную подобной рекламой. Поступило и другое предложение из зала: «А может не смотреть телевизор, не слушать радио и не читать рекламные объявления?» На что лектор не согласилась, сказав, что нам надо учиться жить в этом глобализирующемся мире, а не уходить в леса. Надо достойно ответить на вызов времени.

А вот лично мне всё же уютней в нашей лесной деревеньке, и без телевизора спокойней. Не обошлось и без обсуждения темы языка разговора нынешней власти с народом. Вспомнили знаменитые высказывания нашего президента Путина и сошлись на мнении, что у него очень хорошие имиджмейкеры, не обойтись тут без этого чудного слова. Владимир Владимирович разговаривает с нами на понятном для народа, ёмком языке. Это очень объединяет народ и власть. Хотя, конечно, есть наверняка эстеты, кто критикует Путина за столь простонародный стиль изложения своих мыслей.

В заключение Любовь Юрьевна дала нам ряд ценных советов, как правильно вести беседу, как создать при помощи великого русского языка атмосферу доверия и откровенности с собеседником. Мне запомнилось, что не надо «якать»; поменьше говорить «нет», «не так», «вы должны»; надо задавать открытые вопросы без подтекста; и точно назначать дату и время, а то мы иногда бросаем: «Позвоню на неделе». Так не годится в хорошем обществе.

После окончания семинара я подошёл к Любови Юрьевне и от себя лично поблагодарил её за подвижнический труд, за преданность родному языку, который она столь грамотно и умело защищает. А нам всем стоит крепенько задуматься и присмотреться к себе – правильно ли мы говорим, умело ли владеем нашим великим оружием – русским языком. И не пора ли встать на его защиту, хотя бы рядовым бойцом в своём доме, на своей улице, в своём рабочем коллективе?

Валерий Трофимов, Голенищево

• Молодые голоса

Артём Виноградов,

Нелидово – Москва

А Джонни теперь священник
В какой-то нью-йоркской церкви,
Крохотной и для бедных –
Той, что не знают клерки
И толпы воротничков.

А Джонни сюда добровольно
Сбежал от жестокости мира.
Там ему было больно,
Его там могли, как в тире,
Банальнейше пристрелить.

Но Джонни все еще помнит
Запах и вкус кокаина,
Когда с вожделенным стоном,
Состроив счастливую мину,
Вдыхал он свой порошок.

Был Джонни тогда известен,
Друзей имел очень много
Среди бандитов без чести
И молодежи без Бога.
Он им порошок продавал.

Стал Джонни душою чище,
Торгует в приходе свечами
И исповедует нищих
С лицом неизменно печальным,
Но в божий не верит дар.

Он все еще наркоторилер
И просто
Сменил
Товар.

Фёдор Иванов,

Тверь

Внизу – собрание жильцов.
Оратор лезет вон из кожи:
«Нам власти плюнули в лицо!
Пора решать, как плюнуть тоже!»
Решают... Третий час подряд,
перебирая тьму законов,
И тьмой становится закат
над головами непокорных.
Ведут подробный протокол,
неважно, что расплывчат почерк, -
понять непросто тем, кто гол,
куда себе засунуть счётчик,
чтобы осталось на штаны
да на питание попроще...
«Уеду к чёрту из страны», -
сказал один квартиросъёмщик.

Второй ответил: «Это да...
Здесь планов жуть, а жить экспромтом.
Пойдёт горячая вода,
займусь душевным капремонтом».
... А кто-то всё кричал, галдел,
делил копейки, киловатты,
и от стыда фонарь горел,
как будто тоже виноватый...

Елизавета Линкевич,

Андреаполь

Куда уж больше-то? Куда уж дальше?
Менять попробуй что-либо сейчас.
Да разве мало в нашем мире фальши?
И разве мало в нём фальшивых нас?..

Весь день смеяться, улыбаться.
Показывать, что в жизни всё отлично,
Всем угодить, понравиться стараться,
И для кого-то выглядеть прилично.

Десятки, сотни сладких лживых масок
Усталых, искренних и настоящих прикрывают
Своим обилием ужасных ярких красок.
И по-другому в этом мире не бывает.

Я ничего не буду больше говорить.
Хотя... Запомните-ка кое-что ещё:
Есть в современном мире древний миф:
Простое и обычное «Всё хорошо».

Артём Сидой,

Белый-Москва

красные кеды –
это победа
твоя надо мной.
Этой зимой
более года
сменяны коды
всех телефонов,
мыслей и ящиков.
Вместо загонов,
По-настоящему
знать, что дальше
не может никто,
если без фальши,
остаётся одно –
забросить глаза
и стихи под кровать
(я только «за»).

Что после, как знать?

- Из дальних странствий

В прошлом номере вы уже читали сообщение Лизы Линкевич о пребывании её в молодёжном лагере. Вот ещё одна заметка от неё, передающая атмосферу тех событий.

БЕРЁМ АДРЕСА

Две недели пролетели незаметно. Знакомая фраза, не правда ли? За две недели всего было много: и хорошего, и не очень. И ссорились, и мирились. И трудились, и ленились. Сколько сумасшедших фотографий было сделано за это время! Мы дурачились, как могли. А сколько некачественных видео было снято, пока мы не выучились держать камеру. Мы преодолевали трудности, превращая их в весёлую игру. Но время-то шло. Пора домой.

Закрытие смены. Награждение участников. Как-то быстро всё происходит. Незаметно. Завершало церемонию закрытия выступление одного из вожатых. "Изгиб гитары жёлтой..." Весь зал, все, от мала до велика тихонько подпевали и... плакали. Вдруг - хлопок, и над нашими головами фейерверк. "Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались..."

За две недели мы нашли друзей, и теперь расстаёмся. Но ведь не навсегда? Жизнь не заканчивается на одной встрече и мы обязательно встретимся ещё и ещё!.. Пусть не в лагере, но мы встретимся. А пока берём адреса и телефоны, фотографируемся.

Всё будет хорошо. Мы узнавали.

Елизавета Линкевич,
Андреаполь

- Невыдуманные истории

ПРОХОЖИЙ

Ганин муж Богдан из деревни Дураково ушел на гражданскую войну. Ганя осталась с детьми одна. И мужскую, и женскую работу приходилось взваливать на свои плечи. Безрадостно проходили дни. Когда же придет конец этой бойне, и муж возвратится домой, никто не знал. Женщина истосковалась по мужской ласке. Некому было излить душу, а ведь так хотелось многое обсудить.

Однажды, выйдя на крыльцо, она увидела мужчину, что шел мимо. Прохожий невольно остановил взгляд на ней. Во всем ее обличии угадывался кроткий нрав. Ганя была красива той неброской русской красотой, о которой слагали песни поэты.

Завязалась беседа, а потом и мимолетная любовь. Пылкая страсть долго не отпускалась обоих. А потом прохожий стал собираться домой. Его ждали срочные дела.

Спустя время Ганя поняла, что беременна. Ей очень захотелось оставить этого ребенка. Перед глазами так и стоял красавец прохожий. Она родила девочку, назвала Аней.

Обычно в таких случаях мужья упрекают жен, и, как правило, не любят не от них рожденных детей. Но Богдан был не из таких. Он очень, больше других детей, был привязан к Анечке. Говорил, что она как никто в семье похожа на Ганю, которую он так любил. А измену, на его взгляд, тоже нельзя ставить в укор. Не все разлуку побеждают. К тому же раз она так понравилась прохожему, значит, было в ней что-то особенное. И он даже гордился этим! На других женщин никто и внимания не обращает, а мимо Гани нельзя пройти, она своей красотой покорит любого. Тем более Аня была благополучной, только радовала всех в семье. Она никого никогда не огорчала. Хорошо училась, любую домашнюю работу выполняла с большим желанием. Когда стала взрослой, создала нормальную семью.

В деревне трудно укрыться от людской оценки. Пожилые женщины часто говорили своим дочкам: «Лучше бы ты родила от прохожего, чем детей от пьяницы мужа, которые тоже злоупотребляют алкоголем». Возможно, прохожий дал бы другую наследственность. Пример Гани в этом убеждает.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

• Летаем

* * *

Не слышали? В эту осень – было здорово-то как! – я летал на паровозе, сочиняя облака.

Окружили меня галки, возмущенные сперва:
– Ишь, летает, ёлки-палки! А на чём? Да на дровах!

Погалдели, пошумели: «Паровоз, и чтоб летал!».
Да в конце и обнаглели, так, что всех потом катал!
Две ракеты прилетали – ПВО прислал с земли,
пошустрили, поискали, криминала не нашли.

А земля велит: «Взрываться!». Ну и жажнули салют.
И такой салют был, братцы, – как на праздники дают!
Пролетал так целый день я, даже пару раз гудел,
чтобы люди поглядели, чтобы каждый углядел.
Не слышали? Удивляюсь... Значит, нынче повторю,
Вот, водичкой подзаправлюсь, да дровишек наколю.

**Петр Бобунов,
Нелидово**

* * *

Рассказать хотел я в прозе-
Получается в стихах,
Как летал на паровозе
и таранил облака.

Как парил я мимо галок,
Да подкидывал дрова!
А с Земли в меня стреляла
ПВОшная братва.

Запустили две ракеты.
- Свой я, братцы. Во, дают!
Только видят- толку нету,
Да как жажнули салют!

Не полёт, а пляски Вуду!
Вот такой эксперимент!
Ни за что теперь не буду
Больше нюхать клей «Момент».

**Наталья Иванова,
Пено**

* * *

Мой сюжет, увы, банален,
Предсказуемый вполне –
Мимо ваших томных спален
Я летаю на метле.

Выбираю лишь орбиту.
Но судьбой обречена:
Коль назвали Маргаритой,
На метле летать должна.

Ни ракеты, ни салютов,
Только ночь и тишина.
В ней звучу я, сбросив путы,
Будто тонкая струна.

Разгоняюсь, кувыркаюсь,
В чьи-то окна загляну.
Прячет ночка колдовская
В тучи пьяную луну.

Подойди поэт к окошку,
Что ты над пустым корпишь.
Видишь, полночь чёрной кошкой
Проглотила день, как мышшь.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

* * *

Эту ночь я не забуду! Что там движется во мгле?
Петя мчит на паровозе, Маргарита – на метле!
Или снится мне такое? Или крышу мне снесло?
Ба! Да это же поэтов в ночь куда-то понесло.

Распугали стаю галок, самолёт не сбили чуть!
То метлой, то рифмой звонкой расчищают в небе
путь.

Пеленгуют их радары, и ракетами грозят...
Ну, а наши стихотворцы знай себе вперёд летят!

И я верю (это точно!): не догнать их никому-
Дядю Петю-машиниста, Риту – тонкую струну!

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

* * *

Кто-то любит нюхать розы.
Кто-то любит нюхать клей.
Тот – летать на паровозе.
Эта – мчаться на метле.
Разномастные поэты,
поэтессы всех мастей
перебрали все сюжеты
всех разделы до костей.
Ночью, не смыкая ока,
пишут обо всём подряд.
Поминают всеу Блока,
Пастернака тербят.
Строчки, скроенные ловко,
рифмы, словно с потолка, –
то напишут про морковь,
то вдруг вспомнят мотылька.
К нашей жизни аномальной
только добавляют бред.
Вот стоит, молчит – нормальный.
Рот раскроет – нет, поэт.
В рифмоплётстве тренировка –
это тот ещё сюжет...

Я – поэт. Зовусь я Вовка.
От меня вам всем привет!

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Мы ринулись к пианино и, стучаясь лбами, полезли внутрь... но ничего крамольного в его тёмных и пыльных глубинах не обнаружили.

В недоумении мы повернулись к Василию.

- Что ты видел?..
- Что там?!..
- Что ты орёшь, как зарезанный?!..
- Мужики... – страшным шёпотом сказал Крупин, шаря глазами по нашим лицам. – Оно ведь железное!..
- Кто?!
- Пианино это. Оно внутри всё из железа!..
- А ты что думал, что оно бумажное? – язвительно спросил Лёха.
- Я думал, оно всё деревянное, – потерянно сказал Василий. – И снаружи, и внутри... Зачем же они туда столько железа напихали?
- Чтоб тебе тяжелее было! – зло сказал Серёга Гасан и, потирая ушибленный лоб, сплюнул в пыль. – Ненормальный! Орёшь тут! Я чуть не обделался!
- Это – рама, – пояснил я. – Она из чугуна. (Василий охнул). На ней натянуты струны. Сам понимаешь, без струн пианино играть не будет.
- А на дерево их нельзя было натянуть? – жалобно спросил Крупин. – На гитаре ж на дереве натянуты – и ничего.

– Но это ж не гитара, – возразил я. – Здесь струны гораздо толще. Да и никто при конструировании пианино внимание на вес особо не обращает. Тут главное – прочность и акустика. А вес – тут уж как получится. Пианино ведь, как гитару, с собой таскать не надо.

– Как же не надо?.. – потерянно сказал Василий. – Когда именно надо... Вид он имел жалкий. По его лицу было заметно, что вера в человеческий разум и гуманизм только что дала в нём глубокую трещину...

Двинулись дальше. Крупин, поражённый сделанным открытием, что-то бормотал себе под нос и всё время сбивал шаг. Я стоял с ним в паре, и все его метания тут же по фалу передавались мне. Я пыхтел, матерился, но ничего поделать не мог – я ведь даже не видел Ваську за чёрным полированным туловищем нашего музыкального монстра...

Перед нужным подъездом сделали ещё один привал.

Василий сразу же лёг щекой на гладкую блестящую крышку и слабым голосом принялся допрашивать Моисеева:

- Эй, живодёр, ты нафига всё это задумал?
- Что задумал? – не понял Славик.
- Затяга эта с пианино зачем? Для чего оно тебе?
- Как для чего?! – удивился Славик. – Дочку тогда смогу в музыкальную школу записать.
- Это понятно, – не унимался Крупин. – А ей музыкальная школа для чего?
- Ну как, чтоб играть на пианино учиться...
- И сколько в этой школе учатся?
- Семь лет... по-моему... Что ты всё спрашиваешь, я не пойму?
- Ну, хорошо, – сказал Василий. – Вот будет она семь лет учиться. Будет семь лет вам с женой по мозгам брэнчать. Гаммы там всякие разучивать. И ради чего всё это?
- Как ради чего? – Славик совсем потерялся. – Чтобы... научиться играть на пианино.
- И чему она там научится? – Василий наконец отлепился от инструмента – на полированной поверхности остался влажный след от его щеки. – Я имею в виду, ЧТО она сможет играть по окончании школы? Классику всякую-разную? Шаинского-шмаинского? Пахмутову какую-нибудь?
- Какая ж это классика? – удивился я. – Ты чё, Василий? Это всё – эстрада, попса. А классика – это Бетховен, Моцарт, Шостакович... Рахманинов...
- Какая ж это классика? – удивился я. – Ты чё, Василий? Это всё – эстрада, попса. А классика – это Бетховен, Моцарт, Шостакович... Рахманинов...
- Слышь, ты... Рахманинов, – повернул ко мне голову Крупин, – у тебя это... монокль отклеился. Что ты всё время встречаешь?! Самый умный, что ли?! Ты мне ещё по дороге надоел! Несёшь, как попало, спотыкаешься на каждом шагу!
- Это я-то спотыкаюсь?!.. – возмутился я такой его наглости.
- Да она всё тогда сможет сыграть! – горячо вступился за свою дочь Славик. – И Шостаковича, и Бетховена! И Пахмутову, если надо!

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

– Что, и «Машину времени» сможет? – хитро прищурился Крупин. – И даже «Пинк фloyd»?

– Запросто! – встрял в разговор Серёга Гасан. – У меня племяшка ещё только в пятом классе музыкалки, а уже «Битлз» на фортеклапе наяривает – будь здоров! А на отчётном концерте в прошлом году они на два рояля со своей преподшей «пёрпловский» «Дым над водой» забабахали! Я как раз в отпуске тогда был, приходил слушал. Ты чё! Там весь зал на ушах стоял!

Крупин ошеломлённо молчал.

– Ну что, несём дальше? – поднялся со скамеечки Олег. – А то обед уже скоро.

– Ну, уж если даже «Дым над водой»... – покачивая головой и глядя перед собой остановившимися глазами, пробормотал Василий. – Тогда, конечно... – для него сегодня явно был день откровений; он распрямился и обвёл нас просветлённым взглядом. – Тогда – да! Тогда за это и помереть не жалко! Теперь хоть буду знать, за что живот свой кладу!.. – он схватился за фал. – Ну что порасселись?! Подъём, слабосильная команда! Я, что ли, один за вас, за всех корячится буду?!.. Эй, эксплуататор! Давай уже, командуй!..

Однако на этот раз далеко унести инструмент не удалось – в подъезде нас ждала «засада». Оказалось, что лестничные марши в тринадцатом ДОСе намного уже, чем в девятом, и нести пианино, как раньше, – с боков, по три человека с каждой стороны, – не получится. Пианино теперь можно было поднимать только с торцов, а там больше, чем двум человекам одновременно, подступиться было невозможно.

В конце концов, методом проб и ошибок, изрядно вспотев, отдавив несколько пальцев и основательно извозившись в подъездной побелке, мы выработали следующую тактику, позволявшую худо-бедно, но преодолевать лестничные пролёты: двое приподнимали передний, верхний, конец пианино, а остальные сильно толкали инструмент снизу вперёд-вверх. Мы с Василием Крупиным волею случая оказались впереди. На счёт «три-четыре» мы с ним напрягались, отрывали наш край пианино от бетона, снизу ухали, напирали, и нам оставалось только быстро перебирать ногами, пятясь вверх по ступенькам...

Попробуй, мой уважаемый читатель, подняться спиной вперёд по лестнице. А теперь попробуй подняться спиной вперёд, согнувшись так, чтобы твоя голова оказалась на уровне твоих колен. Правда, уже интересно? А теперь попробуй проделать то же самое, взяв в руки двухпудовую гирию. А теперь – две двухпудовые гири. Это я всё к тому, чтобы ты слегка представил себя на нашем с Василием месте. Всей полноты ощущений ты, конечно, таким способом всё равно не добьёшься, но какое-то представление о сути происходящего процесса, несомненно, получишь...

Поначалу мы продвигались очень медленно. За один рывок пианино поднималось только на одну ступеньку. Но постепенно дело пошло на лад. Ко второму этажу наша бригада окончательно приноровилась и у нас начало получаться, к третьему этажу мы набрались опыта и наловчились, а к четвёртому разошлись так, что преодолевали пролёт за один подход, тратя на десять ступенек от силы тридцать секунд. Правда, после таких рывков приходилось достаточно долго отдыхать на лестничных площадках, отдуваясь и унимая дрожь в руках.

Наконец, нам осталось преодолеть последний марш.

– Три-четыре! – скомандовали снизу.

Мы с Василием крякнули, подорвали свой край и сдавленно отозвались:

– Давай!

Снизу налегли. Мы стали быстро пятиться вверх, но тут моя левая нога зацепилась пяткой за ступеньку, и я, потеряв равновесие, опрокинулся на спину.

– Стой!!! – заорал Крупин, пытаясь из последних сил в одиночку удержать неподъёмную ношу, но было уже поздно.

Повинуясь бешеному напору снизу, пианино подмяло меня под себя и, въехав вверх до самого моего подбородка, наконец остановилось.

Мой затылок лежал на площадке пятого этажа. Пианино стояло на мне, верхним своим краем давя мне на горло и грудь. Я пока ещё мог кричать и активно пользоваться этой возможностью:

– Снимите!!!.. Эту!!!.. Вашу!!!..

– Мать!!!.. Мать!!!.. – охотно отзывалось раскатистое подъездное эхо.

– Вовку задавили!! – голосил Крупин, беспомощно пританцовывая возле моей головы. – Что вы там стоите, олухи?! Тащите обратно!!

Инструмент дёрнули снизу и... – тыдын-тыдын – стащили меня вместе с ним по лестнице на две ступеньки ниже, – металлическое колёсико пианино, зацепившись за моё плечо, действовало, как багор.

– Сволочи!!!.. Стойте!! – захрипел я, поскольку кричать уже не мог.

Инструмент снова опустили на меня...

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

Ты подмечал, мой, без сомнения, зоркий читатель, одну любопытную закономерность в жизни наших российских городов и весей? Стоит где-нибудь возникнуть неординарной ситуации – не важно, смешной ли, грустной ли, – как тут же вокруг начинает собираться толпа сочувствующих и советующих граждан, появляются тонкие знатоки происходящего процесса и люди, неоднократно побывавшие вот точно в такой же ситуации и вышедшие из неё с честью. Но это происходит только в том случае, если возникшая ситуация не требует от присутствующих непосредственного участия и позволяет оставаться им живо заинтересованными, но совершенно сторонними наблюдателями. Если же, не дай бог, попавшим в сложную жизненную коллизию требуется немедленная конкретная и действенная помощь, то наши, только что предельно населённые, пункты мгновенно превращаются в какую-то постапокалиптическую пустыню – с закрытыми на все замки, безответными дверьми, наглухо зашторенными окнами и звонким эхом, одинокой пивной банкой катающимся по гулким дворам.

Это я к чему. Пока мы, надрываясь и матерясь, тащили наш проклятуший фортекляп вверх по лестнице, в подъезде, по-моему, не осталось ни одной двери, из-за которой бы не выглянул одетый в домашнее жилец и не прокомментировал разворачивающееся на его глазах захватывающее действие. Некоторые даже выходили на лестничную площадку и, сыто цыкая зубом после обильного завтрака, давали мудрые, но совершенно бесполезные в нашей ситуации советы или, прикурив сигаретку и опёршись на перила, неторопливо делились своим богатым опытом по переноске тяжёлых и крупногабаритных предметов.

Когда же события неожиданно пошли вскачь, когда нашей бригаде экстренно потребовалась лишняя пара рук, когда мой истошный подпанинный вопль, достигнув крещендо, начал постепенно стихать, то есть когда ситуация потребовала срочного вмешательства и незамедлительных конкретных действий, подъезд тут же, как по мановению волшебной палочки, превратился в какую-то урбанистическую пещеру, пустую и мёртвую, – с обильными следами жизнедеятельности населяющих её обитателей, но с полным отсутствием этих обитателей как таковых...

Итак, мы остановились на том, что пианино вновь опустили на меня. Я особо не возражал. Не мог. Последовал быстрый обмен мнениями, но все предлагаемые варианты действий никуда не годились, поскольку Василий в одиночку не мог даже приподнять свой край пианино. Кому-то надо было спешить ему на помощь. Решили, что лучше всего с этой задачей справится Сацевич. Поскольку широкоплечий Олег не смог протиснуться мимо стоящего несколько наискосок инструмента, то он полез через верх, по нему.

Когда к трёмстам пятидесяти килограммам пианино добавился Олегов центнер, я только зашипел, как змея. Наверное, это из меня выходил последний воздух.

Олег спрыгнул на площадку пятого этажа и сразу взялся за дело.

– Давай! – кивнул он Крупину и, нагнувшись, ухватился за нижний край инструмента.

Вдвоём с Василием они подналегли, и дело сразу сдвинулось с мёртвой точки. В смысле, с мёртвого тела – к тому моменту я уже почти ничего не чувствовал и перед моими глазами летали резвые разноцветные мушки.

– Три-четыре! – скомандовал над моей головой Олег, и пианино, приподнявшись с моей груди, пошло вниз.

Кто-то наступил мне на руку, но я даже не отреагировал. На полпути инструмент ещё раз умудрились выпустить из рук, и он ухнул мне на живот – я только мужественно пискнул.

Наконец я почувствовал, что свободен.

Мне помогли подняться.

Я стоял, покачиваясь, жадно лоя ртом воздух, и у меня было такое ощущение, что моя спина всё ещё сохраняет форму лестничных ступенек.

Поддерживая под руки, меня бережно свели вниз и усадили на скамеечку.

– Никогда!.. – шептал я себе под нос, и горячие слёзы застилали мне глаза. – Никогда!..

– Что «никогда»? – поинтересовался кто-то из моих убийц-спасителей; кажется, это был Лёха.

– Никогда!.. – повторил я. – Клянусь остатками своих рёбер!.. Что никогда и ни за что!.. В моём доме не будет никакого музыкального инструмента!.. Тяжелее гитары!..

Закончили затаскивать пианино уже без меня.

А вечером к нам на квартиру снова пришёл старший лейтенант Моисеев и принёс вторую бутылку коньяка. Мне лично. В качестве, так сказать, компенсации за понесённые потери.

Вся бригада «грузчиков» вновь собралась вместе, мы разлили ароматную пятизвёздочную жидкость по рюмкам, и меня попросили произнести первый тост.

Ну, что я мог сказать? Разумеется: «За любовь к музыке!»...

(продолжение следует).

БЕЗДЕЛУШКИ ДЛЯ ПОДРУЖКИ

По молодости мы с приятельницами дарили друг другу (и в день рождения, и на 8-е Марта) разные нужные в хозяйстве вещички, ну и безделушки, конечно... В гости к одной из таких знакомых я ходила весьма редко, а тут как-то пришлось её навестить. Она усадила меня за стол чай пить.

В ожидании чаепития стала я оглядываться по сторонам. Давно ведь тут не была. Заметила миленькую солоночку. Не удержалась и похвалила: "Какая хорошенькая!". Приятельница с улыбкой ответила:

– Так это ж ты мне её и дарила!

– Правда? – изумилась я, – ничего не помню!

Тем для разговора, видно, не очень много было, поэтому я снова обратила свой взор на окружающие предметы, в том числе и на красивый салатник, восхитившись его оригинальной формой и расцветкой. Приятельница глянула на меня с некоторым удивлением:

– Твой подарок, неужели забыла?

Я в ответ только голову повинную опустила... Но когда подруга заметила, что я с одобрением разглядываю весёлую красную вазочку на полке... Тут уж мы, не удержавшись, расхохотались!

– Неужели тоже мной подаренная? – сквозь смех пыталась я подругу...

Ей хватило сил только утвердительно кивнуть.

Немного погодя, когда мы окончательно успокоились, приятельница, хитро взглянув на меня, призналась:

– Ты знаешь, я сначала подумала, что это ты специально, чтобы я ещё раз твои подарочки по достоинству оценила!

С тех пор стала осторожнее в гостях: сначала наводящие вопросы о понравившейся мне вещи, а потом уже – отзывы о ней... Раз голова, как дуршлаг, что тут поделаешь?

Светлана Виноградова,
Нелидово

• Возвращаясь к теме Кому нужна любовь-морковь

Как приговор судьбы суров,
Когда насквозь в карманах пусто!
Кому нужна любовь-морковь, –
В ходу теперь любовь-«капуста»...

Игорь Столяров,
Нелидово

Послание поэтам от незаслуженно обойдённой вниманием семьи картошки

Не сочтите за месть –
Ведь живём на одном огороде.
Это ж надо такую счастливой родиться,
Чтоб тебе с вдохновеньем
Стихи посвящали поэты,
Посылая друг другу
Исписанных листьев страницы.

Я в цвету даже чем-то на вишню похожа
И семьёй многочисленной смею гордиться...
Но позволить себе не могу принародно
Так, как эта простушка-морковка влюбиться.

Вам сюжет для романа?
Страдает семья от жука-иностранца,
Пестицидов дожди...

И за что нас природа обидела?!

Ну а вас занимает
Влюблённая миссис Карота,*
Та, которая кроме крота
Ничего в этой жизни не видела.

Ольга Кичигина,
заведующая детской библиотекой,
Андреаполь

*Карота (латынь) – морковь; вещество, которое
окрашивает её в оранжевый цвет, учёные назвали
«каротин».